

**ДУХОВНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

**ПРОТОИЕРЕЯ
ВАЛЕНТИНА МОРДАСОВА**

•

(написанные в разные годы)

Я помню каждый день тех лет далеких,
Хотя, признаюсь, больно вспоминать
Скамеечку под сенью лип высоких,
Деревню нашу, дом, отца и мать.
Я помню, что они мне говорили:
“Сыночек милый, к Богу обратись”.
И постоянно за меня молились,
Но я уже вкусил другую жизнь.
Молиться мне страшнее ада было,
Пойти на танцы лучше иль в кино;
Святое — непонятно и постыло,
Зато в охотку — карты и вино...
Мне не забыть тот день из жизни прежней,
Последний день отца, он умирал.
Рыдая, мать казалась безутешной,
А я, хмельной, стоял и хохотал:
“Но где же Бог твой, что ж Он не спасает?
Он Исцелитель? Что ж ты не встаешь?
Иль с Богом люди тоже умирают?
И ты, отец, как все, в земле сгниешь...”
Он улыбнулся и сказал без боли:
“Я жив еще, а ты, сынок, мертвец!
Но если есть на то святая воля,
То знай, что воскресит тебя Творец!”

Отца похоронили, мать молилась,
Прося, чтоб я исправился, прозрел,
Но мне тогда совсем другое снилось,
Другим я жил, иного не хотел.
Молитвы, слезы — все мне надоело.
Мне стали в тягость мать и тесный двор,
И вот однажды я ушел из дома —
Тайком, глубокой ночью, точно вор.
И ликовал я: “Вот она, свобода!
Огромный мир, вся ширь его — мои!”
Не знал глупец: иду на дно болота,
Где тина, гниль, обман и яд змеи.
Разгул, друзья — все это закружило
В водовороте суеты и зла.
В безстыдстве, пьянстве время проходило,
Но это не тревожило меня.
Не ведал я, что есть источник вечный
Живительной, спасительной воды,
Но не к нему я шел, увы, беспечный,
А в пропасть, в преисподню сатаны.
Круг развлечений, в золото одетый,
Так ярок он для тех, кто ослеплен;
Я был слепцом, не видя рядом света,
В безбожный ад крошечный погружен.
Но кто же мог спасти меня от смерти?
Кто б плен греха дал силы победить

И вырваться из мрачной круговерти,
Воспрянуть к свету, распрямиться, жить?
Но, впрочем, не о том тогда я думал...
Случилось как-то летом в сильный дождь
На улице внезапно встретил друга.
Земляк — но вдруг меня пробрала дрожь.
Явился мне внезапно мамин образ:
Глаза в слезах, печальны, как всегда.
Забилось сердце, задрожал мой голос,
Но вырвались бездушные слова:
— Ну как там мать, меня хоть вспоминает?
Наверное, давно уж прокляла,
Хочу заехать, только время не хватает,
Сам понимаешь, все работа, да дела.
«Дела, работа, — помолчал бы лучше!
Твои дела нетрудно угадать.
Скажу тебе, но только сердцем слушай
Про то, как “позабыла” тебя мать:
Когда ты скрылся, то она от горя
Вся поседела, ведь тобой жила!
И каждый день, с недугом лютым споря,
Шла на распутье и тебя ждала.
И простирая свои руки к небу,
Молясь во имя пролитой Крови,
Она была для всех живым укором —
Столпом надежды, веры и любви.

Ну а когда стоять была не в силах,
Когда, недужная, совсем в постель слегла,
Кровать к окну подвинуть попросила,
Смотрела, плача, и тебя ждала...»
Его слова, как ковш воды с отлета,
С души сорвали, смыли коросту;
Я задрожал, проямлив, вроде, что-то,
Спросил: “Она жива? Скажи, прошу!”.
«Как знать сейчас, а уезжал — дышала,
В бреду шептала те же все слова:
“Сыночек милый, ты приедешь, знаю”.
А у тебя работа, да дела...»
Потом бежал я, словно гнали плетью,
С желаньем, прожигающим огнем:
Увидеть мать, не опоздать, успеть бы,
Прощенье вымолить, покаяться во всем.
Вокзал и поезд — все в одно мгновенье;
Недолог путь, но будто много дней;
И сердце, словно вторило движенью,
Стучало в такт: скорей! скорей! скорей!
Не помню, как я вышел из вагона
И тенью трепетной шагнул с испугом в ночь.
Сжималось сердце: что и как там дома?
То замирало, то, как конь рвалось.
Но вот деревня, за погостом рядом,
Могилок холмики, и силуэт креста,

И будто за разрушенной оградой
Увидел я стоящего отца.
И в этот миг вдруг слов его значенье
Прозреньем озаренный осознал:
Безсильна смерть, всесильно Воскресенье!
Ты жив, отец, и ты не умирал!
Могильный холм обняв его холодный,
Я плоть креста слезами орошал.
“Ты жив, отец, а я — мертвец зловонный.
Прости меня! — со стоном я зывал. —
Я искуплю грехи любовью к маме,
Сыновний долг исполню я сполна,
И ты, отец, ты в сердце будешь с нами...”
Но вдруг взошла холодная луна.
И все вокруг безстрастно осветила...
О ужас! Только тут заметил я,
Что рядом чья-то свежая могила,
Но я-то знал, я сразу понял, чья!
Мой стон, наверное, тогда весь мир услышал —
Деревья вздрогнули, чтоб больше не уснуть
Ударил эхом он, как молотом по крышам,
Но только маму этим не вернуть!
“Встань, мамочка, прости меня, родная, —
Зывал я в голос, — встань, открой глаза,
Давай молиться вместе, дорогая,
Ты только встань и уж прости меня!”

Но не было ответа, шли мгновенья,
Слагаясь минутами к часам,
И вдруг я понял, Кто дает прощенье,
И с воплем руки поднял к небесам...
И эта ночь была последней ночью
В моей безбожной жизненной ночи,
Она открыла мне слепые очи;
Нашел я путь, и дверь, и к ней ключи.
С тех пор себя не мыслю я без Бога,
В Нем жизнь моя и счастья полнота.
Огромен мир, но мне одна дорога:
Сквозь тернии — в объятия Христа...
Когда я вижу пред собой отныне
Заплаканную, сгорбленную мать,
А рядом с ней напыщенного сына,
От всей души мне хочется сказать:
“Вы, матери, скорбящие за сына,
Прострите с верой руки к небесам
И знайте, что молитвы ваши в силах
Творить и после смерти чудеса...
Вы, сыновья, забывшие о Боге,
Взгляните на рыдающую мать,
Оставьте грех, чтоб не пришлось в итоге
Вам эти слезы горькие пожать.”

Старый Изборск

Сын мой! С тобою я скоро расстанусь.
Пришел мой черед, уйду.
Туда, где неведомы грусть и усталость,
Где Богу возносят хвалу.
Где нету тревоги, болезни, печали;
Уже на пороге стою.
Послушай, мой сын, что тебе завещаю,
Исполни же просьбу мою:
Одень меня просто, без долгого сбора,
И гробик попроще найди,
Чтеца призови, и пусть после канона
По мне прочитает псалмы.
Богатых поминок с застольем не надо,
Как принято делать везде.
Лишь гордости это греховой в усладу,
Но нет покоенья душе.
Свези меня в церковь без светского пенья,
Запомни, что я говорю:
Пусть хоть недолго — до погребенья —
Побуду лицом к алтарю.
Поставь на могилу мне крест деревянный,
Он всех избавляет от бед.
А мрамор, гранит — словно груз окаянный —
Усопшему в тягость и вред.

Вином поминать меня, сын мой, не станешь!
Про это прошу не забыть.
Ведь этим лишь душу мою ты поранишь,
А лучше — и вовсе не пить!
В годину по мне закажи ты обедню,
Поставь у распятыя свечу,
Поддай, сколько можешь, по милости, бедным, —
Все это тебе по плечу.
А если вдруг сердце забьется тревогой,
Ко мне на могилку приди.
И преподобного Серафима
Правило тихо прочти...
Господь Милосердный пошлет утешенье,
От бед — в покаянии дверь,
Проси у Него и у ближних прощенья,
Молися, надейся и верь.

Псковский район